

ДИСКУССИИ

КАТЕГОРИЯ ПРАКТИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИИ

П.А. МЯСОЕД

В методологических дискуссиях, прошедших в постсоветской психологии, оказалась невостребованной категория практики, явившаяся для советских психологов-марксистов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна средством преодоления норм дуалистического мышления и построения монистических теорий психического. Причина такого положения видится в «производственном» определении практики К. Марксом, не позволяющем охватить психическую реальность во всей ее полноте. В последний период творчества С.Л. Рубинштейн проводит «основную линию выхода за пределы марксизма» и обогащает категорию практики идеей существования человека внутри бытия. В.А. Роменец разрабатывает эту идею в ходе диалога с С.Л. Рубинштейном, а также с М.М. Бахтиным и утверждает понимание практики как совершающегося в форме поступка осваивающего творения человеком мира и себя в мире. Рассматривается историческое движение психологического мышления, лишенного и обогащенного категорией практики, показывающиеся объяснительные возможности этой категории в методологии психологии, открываемые в связи с пониманием поступка как природы практики.

Ключевые слова: методология, эпистемология, психологическое мышление, категория практики, поступок, принцип детерминизма, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.А. Роменец, С.Л. Рубинштейн.

На особую роль категории практики указывал Л.С. Выготский: ей надлежало стать «философским принципом» психологии, вывести эту науку из методологического кризиса, преобразовать ее в прикладную дисциплину, призванную решать задачи, поставленные социалистическим обществом (Выготский, 1982а). Далее он определяет практику как опосредованное орудиями труда общение людей, в процессе которого исторически и онтогенетически, сначала во внешней, затем во внутренней форме формируются познавательные процессы (Выготский, 1983). Практика понимается по К. Марксу — как историческое преобразование природы, общества, человека. В первом случае говорится, что психология, вооруженная категорией практики, становится «новой наукой», во втором — что практика является источником становления психического. Речь о разном — о психологии и о мышлении в психологии.

Акцентируя внимание на марксистском определении практики как первоначально трудовой деятельности и основания общественного сознания, категорию практики вводит в психологию С.Л. Рубинштейн (1973б). Индивидуальное сознание рассматривается как продукт «распредмечивания объекта и опредмечивания субъекта» в ходе деятельности, реализующей общественные отношения, где оно формируется и проявляется. Отсюда принципы построения новой системы психологии — единства сознания и деятельности (Рубинштейн, 1989) и детерминизма (Рубинштейн, 2003а). В последний период творчества, в связи с «основной линией выхода за пределы марксизма», под практикой понимаются любые формы взаимоотношений человека с миром, включая созерцание (Рубинштейн, 2003б).

Л.С. Выготский и С.Л. Рубинштейн отвечают на запросы начавшегося коммунистического строительства, находят, что

западная психология находится в состоянии методологического кризиса, и с опорой на идеи К. Маркса начинают создавать советскую психологическую науку. Главенствующими выступают идеи об исторической природе человека и социальной природе его психики. Первая идея проговаривается, разрабатывается только вторая.

Происходящие в ходе практики преобразования психического Л.С. Выготский характеризует через процессы общения, а этого, утверждает А.Н. Леонтьев, недостаточно: за пределами психологии остается чувственная, предметная деятельность человека, только она и позволяет понять природу этого явления. Более того, он вообще не находит у Л.С. Выготского категории практики и выражает сущность расхождений с ним словами: «*Общение — демиург сознания? Общение — демиург значения?... Если все дело в “деле”?... Я: практика*» (Леонтьев, 2003, с. 39).

Недостаточно понимать практику и как «дело», деятельность, производство предметов. Практика — «произведение», творчество человека в мире и с миром, сущностный способ человеческого бытия (Алиев, Мясоед, 2013). За пределами психологии не должно оставаться то, как, с какой мерой полноты человек выражает себя в практике и каким образом это его характеризует.

Данная статья — о психологическом мышлении, где категория практики либо представлена неполно, либо не представлена вообще, либо же являет себя означенным выше образом. Задачей статьи является определение роли и значения этой категории в методологии психологии.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В ПОСТ-СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И КАТЕГОРИЯ ПРАКТИКИ

Первый шаг Л.С. Выготского продолжает Ф.Е. Василюк, при этом переворачивает тезис: не психологию нужно воплощать

в практику, а практику — в психологию. Раньше она решала вопросы, поставленные в других отраслях знания, в новых условиях обретает «свою» практику — формы психологической помощи людям. Теперь психологу требуется «неклассическая методология», которая призвана «непрерывно удерживать в своих процедурах факт собственной жизненно-практической укорененности в познаваемом бытии» (Василюк, 2003, с. 93).

Ф.Е. Василюк, как и А.Н. Леонтьев, опирается на известный тезис К. Маркса о деятельностном, предметном, чувственном, в этом смысле субъективном характере практики (Маркс, 1955а) и проводит идею о *непосредственном присутствии психолога в психологическом познании*. Достаточно взглянуть на историю этого процесса, чтобы убедиться: она отвечает реальному положению вещей. Это история идей, где каждая имеет автора, общее здесь предстает в индивидуализированном виде. Поскольку познание — способ человеческого бытия, лучше говорить о *непосредственном присутствии человека в бытии*, но Ф.Е. Василюк ограничивает свое определение рамками отношений «психолог — клиент». Первое понимание практики Л.С. Выготским переходит во второе, практикой оказывается общение. Только там, где у Л.С. Выготского исторический процесс, у Ф.Е. Василюка — работа с клиентом, а там, где у А.Н. Леонтьева предметная деятельность человека, у Ф.Е. Василюка — специфическое действие психолога. Тогда нет ничего общего между «психологом-практиком» и психологом, работающим в образовании, бизнесе, спорте..., тогда не практикует психолог-исследователь, историк, теоретик, методолог.. Вне практики оказывается и клиент, потому как он «здесь и теперь» со своим сознанием, а не с бытием, в которое укоренен не только психолог, но и сам клиент. «Философия практики» совершенно неправомерно противопоставляется «философскому познанию пра-

тики» — исторически изменчивому представлению о том, каким образом человек осуществляет свое бытие в мире.

В методологических дискуссиях, прошедших в постсоветской психологии, о практике — в том значении, которое вкладывал в это понятие Ф.Е. Василюк, — никто не говорил. И в других значениях тоже. Участники дискуссий написали книги по методологии психологии (Аллахвердов, 2003; Гусельцева, 2013; Корнилова, Смирнов, 2006; Мазиллов, 2007; Юревич, 2005), но о категории практики речи там нет. Речь о том, что следует пересмотреть положения и предмет психологии, ориентироваться на современные нормы познания мыслить по-новому и вывести психологию из тупиков на качественно иной уровень развития. В этой связи звучат идеи о личности как авторе своей жизни (Слободчиков, Исаев, 2000; Татенко, 1996), психологии субъекта (Абульханова-Славская, 2005; Брушлинский, 1994), личностной свободе (Балл, 1997; Леонтьев, 2011; Петровский, 1997), спонтанности психического развития (Чудновский, 1993), самодостаточном «внутреннем мире» (Шадриков, 2006).

Преградой на пути к новой психологии единогласно объявляется принцип детерминизма. Поскольку именно он связывает психологию человека со способом его бытия (Рубинштейн, 2003а,б), понятно, что водораздел между советской и постсоветской психологией пролегает через категорию практики. Первая наполняет ее марксистским содержанием, поэтому понятно и то, что все дело в марксизме. Говорить об этом не принято, но «если марксизм и атеизм принципиально неприемлемы для вас, то будьте элементарно логичны и отрекитесь от наследия Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева» (Сурмава, 2004, с. 81–82).

Стоит рассмотреть предпосылки мышления этих ученых, чтобы понять, почему категории практики не нашлось места в постсоветской психологии.

КАТЕГОРИЯ ПРАКТИКИ В МАРКСИЗМЕ И МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Категорию практики как определяющего способа человеческого бытия основательно разрабатывает именно К. Маркс (1955б), дальше она используется идеологами тоталитарного государства, которые под практикой понимают коммунистическое строительство. То, как это происходит, объясняя, почему, создав новые общественные отношения, человек так и не обрел свободы, называют извращением марксизма, не замечая, что для этого есть основания. Человек, история, бытие характеризуются К. Марксом через смену способа производства; познание человеком мира, приобщение к миру через переживание, творчество, та же свобода оказываются вторичными явлениями. Практика редуцируется к производственной деятельности, мыслится как совершающееся по закону необходимости преобразование природы, истории и человека.

Здесь слышны отзвуки философии Нового времени, идеи влияния обретшего знания человека на мир. Когда Л.С. Выготский говорит о психологии как прикладной дисциплине, то, очевидно, отталкивается от этой идеи. В сознании психолога практика зачастую так и представлена — как применение знаний с прагматичной целью. Это классическое, оставшееся в прошлом, понимание практики¹. Ф.Е. Ва-

¹ Такое понимание практики несет в себе идея *практической психологии образования*. Советская психология ее вынашивает, постсоветская — рождает. Для авторов и чиновников от образования идея хороша, для автора этой статьи, который уже 27 лет как «практический психолог», она даже не о «чужой практике» (В.Ф. Василюк), она о том, чего нет. За ней нет реальности — ни педагогической, которая существует независимо от ее определений, ни, тем более, реальности психического, природа которой сопротивляется предписанной нормативными актами «работе» с ней психолога. Потому приходится практиковать «по-своему», образом жизни, как теоретик и практик в одном лице. Тема статьи имеет для автора вполне определенный жизненный смысл.

силуок прав: практика требует неклассического определения. Категорию практики следует возратить в методологию психологии, но не в форме коммуникативных действий психолога, а во всеобщей, наполненной *человеческим присутствием* форме.

Для К. Маркса категория практики является ключом к пониманию прошлого, настоящего и будущего. Правда, остается вопрос: если историей правит необходимость, как можно, полагаясь на разум, строить проекты будущего? (Поппер, 1993). История, а это и есть практика, продолжается, познание бесконечно. Настоящее «снимает» прошлое (Г.В.Ф. Гегель), будущее остается неопределенным, но существует преемственность. В психологии тоже должна быть преемственность, иначе придется без конца создавать «новую науку».

Психологи-марксисты продолжают со времен Б. Спинозы идущие попытки преодолеть логику Р. Декарта. Категория практики для них — средство согласования разных субстанций и способ построения, взамен дуалистической, монистической психологии. Л.С. Выготский, следуя К. Марксу², ищет «клеточку» психологии, где представлено и *внутреннее*, и *внешнее* (Выготский, 1982а). А.Н. Леонтьев (1983) ставит на место различения мира протяжения и мира сознания различие, с одной стороны, предметной реальности, включая ее идеальные формы, с другой — деятельности с ее внешними и внутренними процессами. С.Л. Рубинштейн (1989) находит, что «клеточкой» является действие, затем эта идея отступает на второй план, теперь уже *принцип детерминизма* соотносит внешнее и внутреннее, в плане онтологии, а не гносеологии (Рубинштейн, 2003а).

² И в резко критикуемой А.Н. Леонтьевым работе «Мышление и речь» — за то, что автор «замыкается в круге сознания» (Леонтьев, 1998), — категория практики явственно присутствует (см.: Выготский, 1982б, с. 56).

Каждый прочитывает К. Маркса по-своему, советскую психологию образуют существенно различающиеся теории. Общим является *мышление, оперирующее категорией практики*. Психическое выводится за пределы внутренних процессов — в мир, озаменованный присутствием человека. Преодолевается картезианская логика, психология действительно перестраивается.

То, что происходит в постсоветской психологии, выглядит как возврат к прошлому. И с исторической, и с эпистемологической точки зрения.

ВРЕМЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ

Понятия «личность», «субъект», «субъектность», «субъективность», «свобода», «спонтанность», которыми оперируют современные психологи, наполнены пафосом гуманизма эпохи Возрождения. Это важный этап психологической мысли, человек ставится в центр мира, объявляется наивысшей ценностью, его способности превозносятся. Но мир — это люди: если кто-то возвышается, кого-то подавляют. Якобы человеческая эпоха оказывается «полной противоположностью человечности» (Роменец, 1988, с. 26). Всеобщее подменяется индивидуальным, уникальное понимается как единственное, отношения человека с миром упрощаются, его сущность выхолащивается. Гуманистическая психология, которая продолжает эту тенденцию, — «психология Мюнхгаузена, который сам себя поднимает за волосы» (Роменец, Маноха, 1998, с. 826). Для нее закрыто наполненное противоречиями бытие человека в мире.

На первом плане оказывается способность человека находить мир там, где пребывает он сам. Это исходная позиция классической философии (Мамардашвили и др., 1972). И классической эпистемологии тоже. Полагается, что объект, в силу свойства иметь протяженность, непрерывно

воспроизводится субъектом в любой точке существующего вокруг него пространства. Наличие субъекта признается единственным и неоспоримым базисом знания объекта. Это логика Р. Декарта: можно усомниться в существовании объекта, но нельзя усомниться в том, что дается сознанию субъекта непосредственно. Зарождается и столетиями в эпистемологии господствует картезианский «субъектоцентризм» (Лекторский, 2001). До тех пор, пока субъект не обнаруживает свое присутствие в процессе познания.

В естествознании классическая эпистемология давно ушла в прошлое, в психологии, судя по тенденциям, наращивает силы. В результате происходит движение вспять, психология оказывается в другом времени.

Есть время *ситуации* – Первобытное общество, Древний мир, Средневековье, *мотивации* – Возрождение, Барокко, Просвещение, *действия* – XIX и начало XX ст., *последствия* – XX ст. (Роменец, Маноха, 1998). Человек находит себя в своем окружении, затем в самом себе обнаруживает источник своих сил, наталкивается на сопротивление мира, действует, это не приносит желаемого, наступает время рефлексии... По В.А. Роменцу, на рубеже тысячелетий человек оказывается в новой ситуации, и это – *ситуация катастрофы*. Он находит себя в мире, доведенном до предела. Это не время действия или деятельности, это время *вопроса о смысле человеческого бытия*.

Психологи, которые проходят мимо категории практики, проходят мимо *времени истории человечества*. Говоря словами Л.С. Выготского, «ищут не там, где надо, не то, что нужно, не так, как нужно» (Выготский, 1982а, с. 397). Сам он искал ответы на свои вопросы в марксизме и строил «новую» психологию в рамках описанного марксизмом *конкретно-социального времени*. Продолжающие поиски приходят к выводу: время изменилось, марксизм ему уже не соответствует, нужна другая

психология. Так вместе с марксизмом за пределами психологии оказывается категория практики. Взывая к субъективности или субъектности, психологи полагают, что они очерчивают предмет своей науки. На самом деле его ограничивают. Человек отрывается от мира, его психическое обрывается является самодостаточным, самоценным, самодетерминируемым явлением. Психология возвращается на картезианский этап своего развития.

Чтобы идти вперед, следует вернуться назад – к творчеству психологов-марксистов, где категория практика положена во главу угла.

КАТЕГОРИЯ ПРАКТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА И С.Л. РУБИНШТЕЙНА

У А.Н. Леонтьева есть и первый, и второй шаг Л.С. Выготского. Психологии предписывается «идеологическая функция», марксизм провозглашается единственно правильным учением о человеке (Леонтьев, 1983). Дальше конкретизируется тезис К. Маркса о предметности деятельности: индивидуальное характеризуется как продукт присвоения закодированного в предметах деятельности общечеловеческого. Категория практики входит в психологию тем «производственным» содержанием, каким ее наделяет марксизм.

С.Л. Рубинштейн находит, что А.Н. Леонтьев продолжает заданное Л.С. Выготским разграничение «натурального» и «культурного» в развитии; неправильно понимает марксистскую категорию присвоения; признает только внешнюю детерминацию психического; не учитывает диалектику внутреннего и внешнего, природного и общественного. «Ничто не развивается чисто имманентно, только изнутри, безотносительно к какому-либо внешнему, но ничто не входит в процесс развития извне, без всяких внутренних к тому условий» (Рубинштейн, 1973а, с. 227). Это *формула принципа детерминизма* и уз-

ловой пункт разногласий между школами С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева³.

Принципу детерминизма С.Л. Рубинштейн посвящает «Бытие и сознание». «Человек и мир» — уже другое поле идей, главная — *идея существования человека внутри бытия*: «Человек выступает как *часть бытия*, сущего, осознающая в принципе *все бытие*... В этом своеобразии человека и его место и роль во Вселенной, включающей человека» (Рубинштейн, 2003б, с. 357). Принцип детерминизма обретает новую, онтологически предельную систему координат. Носитель *внутреннего*, конечное, оказывается внутри *внешнего*, границы которого теряются в бесконечном. Последнее предстает в форме сознания человека, мир в его лице осознает себя, в этом смысле человек — «зеркало Вселенной». Он включен в мир как бесконечное бытие своим существованием, *практикой*.

Природа человека видится С.Л. Рубинштейном частью природы мира. В этой связи он проводит «основную линию выхода за пределы марксизма»: человек — не только олицетворение общественных, экономических отношений; природа — не только сфера материального производства; история мира не сводится к классовой борьбе и переходу от одной формации к другой; любовь — не только классовая солидарность, это отношение человека как природного существа к своему природному окружению. «Сознание, свобода — без нее нет человека, но надо сохранить корни его жизни в природе, среди всего живущего, во Вселенной... Смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества» (Рубинштейн, 2003б, с. 395, 406).

³ Считается, что продуктивность противостояния школ «исчезающе мала» (Ярошевский, 1995, с. 145), однако в ходе дискуссий высказываются идеи, которые позволяют видеть движение мысли в школе и за ее пределами.

Философы (М. Шеллер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер и другие) в поисках выхода из тупика, в который зашло человечество, осуществляя свое бытие производственным образом, также возлагают надежды на практику как единение человека с миром, бытием, временем, с самим собой. Осознается *со-бытийная* миссия человека в мире. Человек возвращается миру, мир — человеку. Это идея С.Л. Рубинштейна. Проходя мимо нее и замыкаясь на субъектности, психология оказывается на обочине поисков человеком смысла своего существования, дороги к подлинности своего бытия в мире, к себе.

Рукопись «Человек и мир» остается незавершенной, мысль о практике обрывается. Ученики С.Л. Рубинштейна акцентируют внимание на категории субъекта в его творчестве и эту мысль не продолжают (Абульханова-Славская, 1989; Брушлинский, 1994). Продолжает ее В.А. Роменец. Он вступает с С.Л. Рубинштейном, а также М.М. Бахтиным в творческий диалог и высказывает идеи, которые открывают возможность нового видения практики.

ДИАЛОГИ В.А. РОМЕНЦА И ПОСТУПОК КАК ПРИРОДА ПРАКТИКИ

Идею С.Л. Рубинштейна о существовании человека внутри бытия В.А. Роменец находит неточной: следует говорить о способе человеческого бытия; конечное и бесконечное есть и в человеке, и в бытии; мир предстает бесконечным существованием в процессах всеобщей коммуникации⁴. Но «принципиально правильными»

⁴ Отталкиваясь от М. Хайдеггера, идею существования человека внутри бытия развивает Л. Бинсвангер (2001). В данной статье прослеживается судьба идеи в отечественной традиции. Для этого есть основания: мыслящих категорией практики связывает диалог А.Н. Леонтьев пребывает в диалоге с Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном, С.Л. Рубинштейн — с каждым из них, В.А. Роменец — с С.Л. Рубинштейном и М.М. Бахтиным. Образуется живое

являются идеи о непосредственном присутствии человека в мире; о мире как вещах и явлениях, соотнесенных с людьми; о человеке как «зеркале Вселенной». «Все следует понимать через способ существования человека, т.е. через человеческий срез как зеркало Вселенной» (Роменец, Маноха, 1998, с. 146). *Психика* — не образ вещи, а срез мира в том виде, в каком он дается человеку. Имеет место *самоотражение в лице человека мира*. Срез регистрирует способ бытия, мир видится изнутри. Происходит это во время *поступка*. С.Л. Рубинштейн иногда отождествляет его с действием, но действие — «неразвитый поступок», поступком оно становится по мере разворачивания его противоречивой структуры.

Ситуация поступка показывает его зависимость от значений, которыми человек наделяет свое окружающее; мотивация — способность человека делать выбор, преобразовывать независимое в зависимое и становится над ситуацией; действие является реализацией отношения между целью и средствами, выходом человека в сферу моральных отношений, преобразованием реальности; последствие — рефлексией над сделанным и началом новой «поступковой спирали», нового витка взаимоотношений человека с миром. *«Диалектический переход человека и мира — вот что такое поступок*. В таком случае он выступает универсальной категорией, и с него следует начинать и им следует завершать *систему психологии*» (Роменец, Маноха, 1998, с. 150). В.А. Роменец создает такую систему и воплощает ее в своей фундаментальной шеститомной «Истории психологии». Динамика составляющих поступка характеризуется как историческое движе-

ние *всемирной культуры*, в продуктах которой воплощается *практика человеческого самопознания*.

Читая М.М. Бахтина, В.А. Роменец соглашается: каждый психический феномен, включая мысль, — поступок; из совокупности поступков стоит человеческая жизнь; поступок — «участное мышление», открывающее мир изнутри. «Поступок является инструментом раскрытия мира, приобретение им определенностей» (Роменец, Маноха, 1998, с. 137). Именно поступок позволяет видеть мир как бытие в его «содержательности и неповторимой фактичности».

Мыслители говорят о совершающемся в форме поступка осваивающем творении человеком мира и себя в мире, о практике как о переходе мира в форму человеческого бытия. Единичное видится выражением всеобщего, индивидуальное — общечеловеческого. Человек предстает во всей полноте своего существования, жизнь — в историческом движении, обнаруживая фундаментальные смысловые аспекты того, что и как он делает в мире и что предельным образом характеризует его самого. Конечное соединяется с бесконечным, реальное с идеальным, явное с потаенным. Человек, преодолевая сопротивления, входит в мир, воссоединяется с ним. И происходит это не тогда, когда он через деятельность присваивает действительность, а тогда, когда через поступок *осваивает* ее. За словом «деятельность» кроется «производственное» определение человека, за словом «поступок» — «произведенческое» (термин Ш.Г. Алиева). Свою практику человек осуществляет с разной мерой полноты, соответственно, по-разному себя в ней и через нее выражает.

Поступок — *событие в бытии*, творчество человека в бытии и с бытием. Так, через способ своего существования человек заявляет о своем *непосредственном присутствии* в мире, в истории. Мир предстает в своем пространственно-временном,

поле движущейся мысли. Тому, кому кажется, будто оно в прошлом, напомним: без прошлого нет будущего. Категорию практики, продолжая шаг В.Ф. Вавилова, мы возвращаем в психологию через историко-теоретическое исследование.

ценностно-смысловом срезе, в единстве существования и сущности. Понятие субъекта здесь неприменимо, ибо предполагает наличие объекта. Тогда бытие выступает как чуждая человеку данность. Субъект через деятельность строит свои взаимоотношения с миром, поступок — сами эти взаимоотношения. При «субъектном» измерении поступка (Татенко, 1996) теряется понимание его как *со-бытийного освоения-творчества*. Поступком человек *практически* преодолевает препятствия, осваивает мир и утверждает себя в освоенном. Индивидуальное соединяется не с объектом, а с миром, и не через деятельность, а через поступок.

«Деятельностное», по А.Н. Леонтьеву, определение поступка (Соколова, 2012) этот момент не схватывает. Противопоставление субъекта и объекта, внутреннего и внешнего снимается, но на исходном, чувственном уровне, а не на уровне означенного присутствием человека мира. Теряется образное бытие мира, факт воплощения в мире человеческой оригинальности, уникальности, поисков человеком смысла своего существования. Потому что противоположность человека и мира «остается непобедимой» (В.А. Роменец). Жертвуя собой, человек своею смертью преодолевает сопротивление мира, показывает дорогу к истине, а его не понимают. Христа распяли. Жизнь по своей сути — трагична. «Слепая логика поступка» приносит разрушения и страдания, история, скорее, ничему не учит, но создает *культуру*, а та — образы, среди которых — образ Великого Инквизитора, тему наказания человека за содеянное. Это последствие, «совесть» поступка. Есть возможность остановиться, опомниться, начать жить по-другому. «Психология должна еще сказать об этом свое слово» (Роменец, 1995, с. 603).

В отличие от психологов-марксистов, сосредоточенных на идее интериоризации, В.А. Роменец разрабатывает идею

экстериоризации — исторически противоречивого воплощения человеком себя в мире через поступок. А это и мысль — событие в бытии, закрытое для познания, абстрагированного от факта присутствия в бытии человека. «Все попытки преодолеть дуализм познания и жизни, мысли и единственной конкретной действительности изнутри теоретического познания совершенно безнадежны» (Бахтин, 1997, с. 184). Внимание психологов к операциям мышления позволяет думать, что мыслит не человек, а мышление, что мир — объект, а не данность человека, обладающего мышлением. Говорят о субъекте как процессуальном моменте мышления (Брушлинский, 1994), но не отвечают на вопрос: как человек мыслит о мире и о себе в мире? Потому что это уже другая плоскость анализа: не отношение «субъект — объект», а сама мысль, которая, в случае поступка, во время *со-бытийного* творческого акта открывает истину, пребывающую в бытии. Тогда бытие говорит и о себе, и о человеке, и о его месте в мире.

Комментируя положение М.М. Бахтина о «теоретическом мире, полученном в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и морального смысла этого факта», В.А. Роменец дополняет: такой мир — «принципиально чуждый живой историчности» (Роменец, Маноха, 1998, с. 134). Поступком человек обретает мир, мир переходит в форму бытия человека, наполняясь его страданиями и надеждами.

Психологам остается либо не видеть того, что происходит в человеке и с человеком, либо действительно начать мыслить по-новому и находить человека непосредственно присутствующим в бытии, ищущим свое место в мире, стремящимся через наполненные переживаниями и смысловым содержанием творческие жизненные акты выразить в нем свою сущность. Психология нуждается в *живом человеке* (Мясоед, 2009). Тогда следует уже

по-новому отвечать на вопрос: что такое психологическое познание и как оно совершается? Но это уже другая тема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Категория практики в творчестве психологов-марксистов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна выступает средством преодоления норм дуалистического мышления, нового видения психологии человека и науки о ней, построения монистических теорий психического. Практика понимается по К. Марксу как преобразование природы, истории, человека, но понимания различаются, авторы теорий оппонируют друг другу и продолжают поиски. Решительный шаг делает С.Л. Рубинштейн: выходит за пределы марксизма, включает в содержание категории практики все формы взаимоотношений человека с миром и обогащает ее идеей существования человека внутри бытия.

Психологи постсоветской эпохи, отвечая на вызовы нового времени, отказываются от марксизма как методологического основания психологии и объясняют природу и сущности психического, не обращаясь к категории практики. Исследуется феноменология психического, об онтологии, бытии человека, формах его активности в мире, в которых и через которые психическое себя выражает, речи уже не идет. Происходит отказ от принципа детерминизма, психическое видится самостоятельным, самоценным, самодетерминируемым явлением. Прерывается движение психологического мышления, психология возвращается на классический, с исторической и эпистемологической точки зрения, этап своего развития.

Логику С.Л. Рубинштейна усиливает В.А. Роменец, развивающий понятие поступка. По этому поводу он вступает в диалог с М.М. Бахтиным и утверждает понимание практики как совершающегося в форме поступка осваивающего творения

человеком мира и себя в мире. Понимание предполагает видение человека преодолевающим преграды, стремящимся к полноте своего бытия, пребывающим в поисках смысла своего существования, своей активностью утверждающим себя в мире и таким образом себя выражающим. Принцип детерминизма обретает новое содержание: психическое характеризуется в связи со способом человеческого бытия.

Новое содержание категории практики позволяет вернуть ей статус методологического принципа психологии как средства объяснения природы и сущности психической реальности, а также исследования исторического движения психологического познания и на общем, и на индивидуальном, представленном именами авторов конкретных теорий, уровне.

1. *Абульханова-Славская К.А.* Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Материалы. Воспоминания / Отв. ред. Б.М. Ломов. М.: Наука, 1989. С. 10–61.
2. *Алиев Ш.Г., Мясоед П.А.* О поступковой природе практики (в переключке В.А. Роменца с М.М. Бахтиным) [Электронный ресурс]. URL: http://filosofia.ru/o_postupkovoy_prirode_praktiki (дата публикации: 05.08.2013; дата обращения: 02.12.2014).
3. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
4. *Балл Г.А.* Психологическое содержание личностной свободы: сущность и содержание // Психол. журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 7–19.
5. *Бахтин М.М.* Архитектоника поступка // «Ars vetus – Ars nova»: М.М. Бахтин / Гол. редкол. В.А. Роменец. К.: Гнозис, 1997. С. 183–199.
6. *Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология / Под ред. Р. Мэя; пер. с англ. М.: Апрель Пресс & ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 308–332.
7. *Брушлинский А. В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.
8. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл; МГППУ, 2003.
9. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследо-

- вание // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982а. С. 291–436.
10. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
 11. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982б. С. 5–361.
 12. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности (историко-методологическое исследование). М.: Акрополь, 2013.
 13. *Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
 14. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
 15. *Леонтьев А.А.* Алексей Николаевич Леонтьев рассказывает о себе // Вопр. психол. 2003. № 2. С. 33–42.
 16. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А.Н. Избр. психол. произв.: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1983. С. 94–231.
 17. *Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского (критическое исследование) // Вопр. психол. 1998. № 1. С. 108–124.
 18. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопр. психол. 2011. № 1. С. 3–27.
 19. *Мазилов В.А.* Методология психологии. Ярославль: МАПН, 2007.
 20. *Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С.* Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука / Ред. колл.: Л.Н. Митрохин и др. М.: Наука, 1972. С. 28–94.
 21. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955а. С. 1–4.
 22. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955б. С. 7–544.
 23. *Мясоєд П.А.* С. Л. Рубинштейн: идея живого человека в психологии // Вопр. психол. 2009. № 4. С. 108–118.
 24. *Петровский В.А.* Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Шур. М.: Смысл, 1997. С. 124–144.
 25. *Поннер К.* Нищета историцизма: Пер. с англ. М.: Прогресс-ВИА, 1993.
 26. *Роменец В.А.* Історія психології епохи Відродження. К.: Вища школа, 1988.
 27. *Роменец В.А.* Історія психології ХІХ – початку ХХ століття. К.: Вища школа, 1995.
 28. *Роменец В.А., Маноха І.П.* Історія психології ХХ століття. К.: Либідь, 1998.
 29. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003а. С. 43–280.
 30. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989.
 31. *Рубинштейн С.Л.* Проблема способностей и вопросы психологической теории // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1973а. С. 220–235.
 32. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1973б. С. 19–46.
 33. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003б. С. 281–426.
 34. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная Пресса, 2000.
 35. *Соколова Е.Е.* Проблема поступка в трудах В.А. Роменца и А.Н. Леонтьева: сравнительный анализ // Психология вчнку: Шляхами творчості В.А. Роменця: зб. статей; упоряд. П.А. М'ясоїд; відп. ред. А.В. Фурман. К.: Либідь, 2012. С. 68–84.
 36. *Сурмава А.В.* Психологический смысл исторического кризиса (опыт исторического психоанализа) // Вопр. психол. 2004. № 3. С. 71–86.
 37. *Татенко В.А.* Психология в субъектном измерении. К.: Просвіта, 1996.
 38. *Чудновский В.Э.* К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 5. С. 3–12.
 39. *Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга – Логос, 2006.
 40. *Юревич А.В.* Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.
 41. *Ярошевский М.Г.* Без истории пуста методология // Вопр. психол. 1995. № 4. С. 141–146.